

Листки из фронтового дневника

НАРОД И АРМИЯ ЕДИНЫ

ПОЗНАКОМИЛИСЬ мы в Ереванском университете. Это были первые послевоенные годы. Тогда в вузах было много ребят, еще не успевших скинуть серые солдатские шивороты.

Рафик учился на юридическом факультете. Мы часто встречались с ним по вечерам в публичной библиотеке. Он неизменно приходил в одно и то же время. Заходил в кабинет, ставил в углу кисты, садился за столик изучать международное право.

В то время я о нем только и знал, что он окончил 9 классов Ереванской школы № 3 и в сентябре сорок второго добровольцем ушел на фронт. Начал войну под Моздоком, прошел Польшу и на подступах к чехословацкому городу Кошице, под самый конец войны, получил легкое тяжелое ранение.

Прошли годы. Рафаэл Амаякович Манукян — депутат Орджоникидзевского райсовета, начальник Управления кинификации исполкома Ереванского горсовета. И вот теперь, спустя столько лет, я, наконец, решаюсь спросить его про те три года его жизни, о которых до сих пор ничего не знал.

Он раскрывает папку и выкладывает на стол кипу пожелтевших за время бумаг и фотографий. Письма. Обрывки написанных наспех записок, оборванных на полуприветных слова. Снимок простреленного партбилета. Этот партийный билет был выдан Манукяну в январе сорок четвертого полконтингентом 317-й стрелковой дивизии. Фронтовой дневник с короткими лаконичными записями...

27 апреля, 1943 год. «Табаксовхоз». Это неподалеку от станции Крымская Краснодарского края. Фашисты укрепились на высоте. Их надо оттуда выбить. Такой приказ.

Высоту решено брать с флангов. Роты идут в наступление. И в самый разгар боя:

— Старший сержант Манукян!

— Я!

— Связь оборвана! Приказываю немедленно...

Начальник связи дивизии, капитан Ильичев, как положено командиру, настроился было отчеканить приказ, но, посмотрев в глаза стоявшему перед ним солдату, вдруг сбился и, может быть, подумав о чем-то очень своем, дрогнувшим голосом сказал:

— Ты пойми, сынок... Восстановить связь надо.

Сынок... Так мог сказать отец. Так мог сказать и командир, посылая семнадцатилетнего солдата в путь длиной в сто шагов, в путь, где каждый шаг равен ста километрам.

Снаряды всахизают окоченевшую за зиму землю. Они лежат рядом, в двух шагах от него. А он все ползет. Надо выполнять приказ командира.

Капитан Ильичев наблюдает за

происходящим с командного пункта.

— Сволочи! — говорит он сквозь зубы. — Мальчишку сгубят...

Не знал капитан, что в эту минуту на выручку другу спешил рядовой Хачик Арутюнян. Он пробрался сквозь близлежащий лесок, перебежал полянку и вышел к высоте, занятой противником. Гитлеровцы заметили его только, когда он уже стоял в нескольких шагах от них. В Хачика полетела граната. Он перехватил ее в воздухе и швырнул в немцев.

Вражеский миномет заглох, жизнь Рафика была спасена. Связь снова работала четко, бесперебойно.

Другая дата. Сорок третий год. «Высота героев». Собственно были две высоты — наша, названная высотой героев, и немецкая, по которой проходила голубая линия их обороны. Голубая линия — это идущие одна за другой бетонированные траншеи, укрепления, дзоты.

Теплая июльская ночь. Чистое, ясное небо, а вокруг мертвая тишина. Обманчивая, опасная тишина: стоишь чиркнуть спичкой, как сразу же засвистит над головой вражеская пуля.

Из блиндажа выходят солдаты. Пошатываясь, прошел мимо Рафика солдат с забинтованной головой. Рафик не увидел его лица. Только услышал, как тот прошептал слово — «джан».

Сердце больно колыхнулось в груди. Рафик посмотрел вслед уходящему, хотел окликнуть его, но пулеметная очередь пригнула его к земле.

Рафик спустился в блиндаж. Их было десять человек — смена тем, кто покинул блиндаж пять минут назад. Луч карманного фонарика осветил гильзы патронов, полустылые консервные банки и попользанные вверх по стенам. И вдруг в глазах у Рафика потемнело. На стене штыком было выщерблено — Амаяк Манукян.

— Папа!...

Отец ушел на фронт в первый же день войны. Рафик не видел отца уже два года. Его отец был с ним рядом и ушел в ночь, так и не повидав сына.

15 сентября. С шести утра заработали «катюши». Заговорила артиллерия. Обстреливался каждый квадратный метр обороны фашистов. Началось генеральное наступление.

Утром погиб командир взвода связи Абдуев. Заменил его Рафаэл Манукян. Наши подразделения под ураганным огнем противника скатились в ущелье, опрокинули кинувшихся в атаку гитлеровцев и начали штурмовать. В разгаре ожесточенного боя, как и тогда, в апреле, опять оборвалась связь...

Сильно поредели ряды связистов. Один за другим уходили они на линию. Но не доползали до траншеи.

— Во взводе остались двое, — доложил Манукян комбату.

У комбата в глазах стояли слезы.

— Наладить связь, — сухо проронил он.

Двое во взводе... Он, Рафаэл Манукян и Татьяна Угниадзе. Кто же пойдет?

— Есть наладить связь! — говорит Татьяна своему юному командиру.

— Отставить, боец Угниадзе!

Так он назвал ее впервые. Весь взвод называл ее просто Таня. Солдаты любили и оберегали ее, как родную сестру. Любили за смелость, мужество, отвагу.

Тоненькая, черноглазая девушка. Она сама пришла на фронт, когда враг стоял на подступах города Орджоникидзе. В кармане у нее лежала зачетная книжка студентки первого курса сельскохозяйственного института. Ее хотели отправить в тыл.

— А если, — сказала она, — я пришла мстить? За отца...

Нет, Рафик не позволит Тане идти.

— Отставить, боец Угниадзе!

...Он пришел в сознание только на пятый день. Открыв глаза, увидел людей в больничных халатах. Ему объяснили, что это Краснодарский госпиталь. Как он сюда попал?

Об этом знала только Таня, вынесшая его на своих плечах из огня. После того, как он устранил обрыв.

На двадцатый день его выписали из госпиталя.

— Направляетесь в тыловую часть, — сказал военврач.

Он подумал: ни в какую тыловую часть не пойду. Выехав из горлот госпиталя, выпрыгнул из «газика» и стал добираться до родной дивизии. Нашел он ее уже под самой Таманью.

— Линия обороны нашей дивизии, — говорит Рафаэл Амаякович, — проходила по таманским плавням. Болото, камыши... Образцы истинного героизма показали здесь наши воины. Но я сейчас вспоминаю Таню. Сколько мужества было в этой девушке! Грудь плечом к плечу с мужчинами стояла она по пояс в воде, ни минуту не сомкнув глаз. Поспешная, продрогшая, она ни разу не попросила пощады.

В дивизионной газете о взводе Манукяна была напечатана заметка:

«Под сильным артиллерийским огнем противника отважные связисты ежеминутно выходили на линию и, рискуя жизнью, исправляли повреждения. В любой обстановке они действовали бесстрашно и умело. В плавнях, по пояс в воде, шли связисты вслед за стрелками. Их не пугали ни пули, ни осколки снарядов, ни минные поля.

Еще одна страничка военной жизни.

Январь сорок пятого года. 24-я Железная дивизия, основанная легендарным Гаем, ведет бой под чехословацким городом Кошице. Приказ суров и краток: уничтожить первые огневые точки противника.

Их шестеро. Боевое задание выполнено. Удалось к тому же взять «языка». Вот они уже перешли вброд реку, сейчас переползут полянку, а там лес и свои. Связанный по рукам и ногам гитлеровец замотан в плащпалатку. Надо пройти всего пятьдесят шагов...

Кромешную тьму неожиданно разорвала взметнувшаяся к небу осветительная ракета. Пулеметная очередь скосила пятерых. Рафика что-то тупо ударило в бедро и по ноге сразу же разлилось тепло. В двух метрах была глубокая воронка от бомбы. Он с трудом дополз до нее и втащил за собой фашиста.

Одна за другой рассыпаются над головой ракеты, а вслед за ними, ложась плотным кольцом вокруг воронки, рвутся снаряды. Рафик сунул руку в сапог: полон крови. Он еще продержится час, другой. А потом? Враг лежал с ним рядом и смотрел ему в лицо застывшими в ужасе глазами. Обессилевшими руками Рафик приставил автомат к груди фашиста. Но тут же промелькнула мысль: «А может, наши успеют?»

Это был для Рафаэла Манукяна последний бой.

«Дорогая мама, сейчас меня из Чехословакии перевезли в Кисловодск. Пишу плохо, потому что обе ноги в гипсе и я лежу на спине».

ПИСЬМА, письма... Пишут друзья, вспоминают мучительные дни, и только молчит Таня. Где ты, Татьяна Угниадзе?

Август 1966 года. «Волга» с армянским номерным знаком мчит по дорогам Украины. Город Ясиноватая, улица Островского, 20.

В Ясиноватую Манукян приехал под вечер. Машина остановилась у небольшого одноэтажного домика. Он долго стучал в калитку. Отворила девочка лет пятнадцати — тоненькая, черноглазая с косичками. Она взглянула на взволнованного незнакомого человека и улыбнулась. Улыбнулась той самой улыбкой, какую Рафик видел на лице девятнадцатилетней Тани.

— Где мама?

— На работе.

— Я ее друг, из Армении...

— Тогда поедете к ней.

Они встретились у заводских ворот. Обнялись, расцеловались. Молча смотрели друг другу в глаза...

Перелистано всего несколько страничек фронтового дневника. А в нем их много. И каждая из них живая память о грозных годах в истории нашей страны.

С. АРУСТАМЯН.